

Лингвистика

УДК 811.161.1

В.И. Муминов

СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВОЙ И СТИЛИСТИЧЕСКОЙ МАНЕРЫ В.Г. КОРОЛЕНКО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «СОКОЛИНЕЦ»)

В статье на материале рассказа «Соколинец» рассматриваются особенности языковой и стилистической манеры В.Г. Короленко, проводятся наблюдения над авторскими предпочтениями в выборе средств выражения максимальной экспрессии, интенсификации признака, направленных на обеспечение стилистического эффекта. Отмечена и классифицирована в первую очередь знаменательная лексика, выражающая крайние (предельные) психологические и эмоциональные состояния персонажей. Отдельно рассматриваются местоименные слова и частицы, которые часто взаимодействуют друг с другом, создавая экспрессивные выражения и конструкции со значением градации, высокой степени проявления признака и др. Выделены словообразовательные средства, участвующие в воплощении авторской эмоциональности, усилении содержательной и выразительной сторон высказывания. Рассматриваются некоторые особенности идиостиля В.Г. Короленко, классифицированы стилистические приемы, повышающие экспрессию произведения, оптимизирующие ритмико-интонационную структуру поэтической речи, насыщающие ее смысловой и стилистической информацией. Определены виды повторов, привлекаемых писателем для осуществления своей творческой задачи, и их роль в реализации стилистического эффекта.

Ключевые слова: максимальная экспрессия, интенсификация признака, интенсивы, интенсификаторы, стилистический эффект, экспрессивность, повторы, идиостиль, языковая полифония.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-875-890

Данные современной антропоцентрической лингвистики, изучающей языковую личность, позволяют сделать важные дидактические выводы: для формирования коммуникативной и языковой компетенции индивида необходимо такое воздействие на его личность, чтобы стихия массовой культуры, зарубежного влияния, «вненациональность» значительного числа средств массовой информации не смогли подавить «общерусский тип», смоделировать вненациональную личность. Для этого необходимо широко рекламировать языковой идеал – носителя русского языка, близкого по восприятию объективной картины мира, социальных условий, наделенного качествами, которые особенно затребованы в современных условиях: любовью к Родине и народу, гражданственностью, высокой моралью; писателя, чье словесное творчество и художественное мастерство помогают развивать эстетический вкус, языковое чутье, культуру речи; автора таких текстов, которые демонстрируют лучшие качества русского литературного языка, его гибкость в выражении грамматических значений, необозримый и стилистически емкий словарь, лаконизм и четкость, музыкальность и красоту речи. Особенно плодотворно обращение к «языковой стихии» тех произведений, в которых слово является не только предметом изображения, но и средством выражения.

Настоящим шедевром, воспевшим человека «вольной волюшки», стал рассказ В.Г. Короленко – «Соколинец», которым писатель начинает тему сахалинской каторги в русской литературе и который представляет собой, по словам А.П. Чехова, «выдающееся произведение последнего времени... написан как хорошая, музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом...» [10, с. 8].

Рассказ звучит как особая симфоническая мелодия. Гармоническое единство произведения (в основе сюжета – повествование беглого каторжанина Василия, которому удалось бежать с «Соколинского острова») включает: **своеобразную увертюру** (*молчание и мрак зимней ночи; мертвящий якутский мороз; одиночество человека в «чужой стороне», затерянном среди тайги поселений; потом живительные звуки огня, который «прыгает, рокошет, шипит и трещит»* – уже здесь явно проявляется борьба двух начал: враждебного «царства мертвящего мороза» и живительного тепла «разыгравшегося пламени»), **основную тему (идею)** («напряжение воли», *сопротивление, стремление к жизни, «вольной волюшке», которые овладевают человеком и не отпускают до конца дней, «зовут и*

манят к себе... уже испившего из этой отравленной неутолимим желанием чаши»), **повествование (исповедь) самого «соколинца» Василия**, где в «многоголосых переливах» отражаются особенности развития основной темы: вначале явственно звучит мелодия народная, русская, с ее тоской и удалью (зачин рассказа напоминает песни о добром молодце, который «ладненько... жил, пока родителей слушал, а перестал слушаться – и жизнь... кончилась»), постепенно тональность меняется, приобретает ровный контур (история о прибытии партии арестантов на Сахалин, о созревшем решении бежать дается в литературном пересказе), потом слышится «блатная музыка» («шпанье», «сделать крышку», «хлопает» и др.), после которой «инструментовка» повествования меняется: голос «соколинца» крепнет, звучит с эмоциональным подъемом, передавая все оттенки речи человека бывалого, решительного, до конца привязанного памятью к родным краям и способного на безоглядную дерзость в своем стремлении к свободе. В конце, перед **заключительным описанием** последней встречи с ночным гостем (композиция произведения кольцевая – рассказ в рассказе), еще раз **«обыгрывается» тема**, начатая увертюрой («холодная и унылая краса ночи», мысли и чувства, охватившие рассказчика после услышанной от «соколинца» «бродяжьей эпопеи»: «сумрачные грезы и горный орел, который реет, тихо взмахивая свободным крылом, молодая жизнь, страстно рвущаяся на волю»).

Изображаемый предметный и природный мир, преломленный сквозь призму восприятия конкретного наблюдателя, в рассказе Короленко динамичен. Его изменения, а соответственно и изменения подвижной точки зрения повествователя или персонажа фиксируются при помощи глаголов со значением цветового или светового признака, глаголов звучания, глаголов движения (*переливались, маячили, мерцали, искрились, сверкает, светились, вспыхнул, перебежал, охватывал, прыгал, рокотал, шипел, трещал*). При этом образная характеристика реалий, изображаемых в переливающимся блеске, сиянии, мерцании света, строится на использовании самоцветов: «Оконные льдины, в которые за минуту перед тем глядела снаружи морозная ночь, теперь искрились и переливались отблеском пламени, точно **самоцветные камни** ... во мгле холодной ночи моя одинокая юрта сверкает светлыми льдинами и сыпет, точно маленький вулкан, целым снопом огненных искр...» [6, с. 133]. Автор-рассказчик ставит себя на место своего визави, и, как ни странно, испытывает совсем не те чувства, которые, казалось бы, должен был испытывать: «Всю кровь взбудоражил во мне своими рассказами молодой бродяга... почему, спрашивал я себя, этот рассказ запечатлевается даже в моем уме – не трудностью пути, не страданиями, даже не «лютою бродяжьей тоской», а только поэзией вольной волюшки? Почему на меня пахнуло от него только призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи?» [6, с. 175].

Рассказ Василия – это своего рода исповедь, которая определяет использование в тексте большого количества лексических единиц, обозначающих пороки или добродетели, слов, называющих чувства, эмоциональные состояния и внутренние психологические установки. Ср., например: «– Ну, вот! Живу, могу сказать, не похваставшись, честно и благородно. Имею у себя корову, бычка по третьему году, лошадь... Землю пашу, огород... работаю! То есть вполне даже как следует, по божьему призванию... это гораздо лучше, нежели воровать или наипаче еще разбойничать» [6, с. 137 - 138]. Очевидно, что автор-рассказчик фиксирует некое противоречие между тем, каков Василий по существу и каков по социальному статусу (он человек смелый, авторитетный в своем кругу, способен к критической самооценке, помнит добро, ценит доброе слово, не гордится собой и своими «подвигами», не равнодушный, испытывает боль, волнение, горечь, сожаление, раскаяние, жалость. Василий – бродяга и преступник, но преступник в силу обстоятельств, не «по призванию»). Хоть он и не является по-настоящему верующим человеком, признаки духа прописаны в нем достаточно четко – Василий грешен, но душа у него не злая; он не совсем потерял духовно). Возможно, что под впечатлением рассказа «Соколинец» А.П. Чехов вскоре совершил поездку на каторжный остров, результатом которой стало создание книги «Остров Сахалин».

При всем многообразии оценок языковой и стилистической манеры В.Г. Короленко несомненно одно – произведения этого писателя характеризуются лексическим богатством, разнообразием стилистических «ходов» и приемов, широким привлечением средств выражения интенсивности признака, обилием слов «предельного» значения, которые свидетельствуют о том, что В.Г. Короленко – талантливый писатель, замечательный стилист, умноживший и развивший стилевое богатство русской художественной речи. Такие органично-художественные качества, рожденные непосредственно талантом автора произведения, высоко оценил И.А. Ильин, который писал: «... Короленко и сам Лев Толстой были художниками не тогда, когда они тенденциозно «учили», а когда они постигали, не

уча, и давали мудрость, ничем не задаваясь [4, с. 19].

Максимальная экспрессия в тексте рассказа «Соколинец» достигается посредством реализации функциональных потенций языковых средств, отображающих способность того или иного признака выступать в своем носителе в высокой (максимальной) степени проявления. Для этих целей писатель выбирает и использует знаменательные слова, местоимения и незнаменательную лексику, фразеологические единицы, стилистические приемы и т.п.

Знаменательные слова. Грамматически они могут быть представлены различными частями речи: существительными, прилагательными, глаголами и др. Например:

1. Существительные: «...*быть может...* нетрудно было бы найти несколько человек, которых *страхом* или обещанием выгоды можно бы склонить к доносу, но теперь... языки были скованы *ужасом*» [6, с. 144]; «Глаза татар сверкали *возбуждением*, почти *злостью*. Все они на скаку размахивали руками и ногами...» [6, с. 177]; «– Эх, удалой молодца! – вскрикивали в *восторге* зрители... Лицо бродяги было бледно, глаза горели от *возбуждения*» [6, с. 177].

В качестве примера субстантивных интенсификаторов, содержащих интенсификацию в своих основных, прямых значениях, отметим микрогруппу имен существительных деструктивного изменения, названного как случайными, так и закономерными причинами (*буря, шторм, трагедия, драма, бунт* и др.). Например: «Пораженное мрачною ночью *трагедией*, население пароходного трюма вначале примолкло» [6, с. 144]; «... *готовься к расстрелу...*» [6, с. 146]; «Братцы! ... *Надо теперь поскорее уходить ... беда будет*» [6, с. 155].

Ориентация писателя на определенные тематические группы субстантивных интенсификаторов позволяет определить их роль как ключевых слов художественного текста, фокусирующих, заостряющих тот образ мира, который является объектом писательского изображения и интерпретации. Сами существительные также способны выступать интенсификаторами, что обусловлено: **а)** синтаксическими функциями имени (например: определения, приложения, сказуемого): «На полдень пойдешь – дойдешь *до конца острова, а там море-окиян...*» [6, с. 150]; «*Конек хороший... Ветер!*» [6, с. 157]; «– *Конек-то золото!*...» [6, с. 178]; «*Такой был ругатель, просто беда*» [6, с. 170]; «*Средство это – бог юрты, могучий огонь*» [6, с. 131]; **б)** вхождением в определенные грамматические конструкции фразеологизированного типа: «*Бедному псу... становилось страшно ввиду наступающего царства ('одна из четырех высших сфер органического мира')* *мертвящего мороза*» [6, с. 132]; «*Должон я... по гроб моей жизни...*» [6, с. 164].

Синтаксические свойства существительных позволяют Короленко включать их в градационные ряды, заполненные синонимами, передающими увеличение степени признака: «*Стоит ли над морем яркое тропическое солнце, свистит ли ветер, скрипят и гнутся снасти, ударит ли волной непогода, разыграется ли грозная буря и пароход весь застонет под ударами шторма – здесь, все так же заперты, прислушиваются к завыванию ветра сотни людей...*» [6, с. 143]; «*Дураки вы! Пожалел я вас, олухов... А еще называется бродяги! Чай не размокнете ... кан-нальи такие! Гаси живее огонь... подлецы!*» [6, с. 172-173]. Часто существительные, и без того осложненные экспрессией, сопровождаются еще и «усилительной нагрузкой», что создает впечатление наивысшего проявления признака. Например: «*С Васильем пошел его приятель, который «по бродяжеству» носил кличку Володьки, Макаров, силач и хват...один татарин, плут и проныра, но зато изобретательный и в высшей степени ловкий*» [6, с. 152].

2. Имена прилагательные, которые можно разделить на микрогруппы в зависимости от обусловленности семантико-словообразовательными связями с определенными мотивирующими словами: **а)** эмоционального и эмоционально-интеллектуального отношения говорящего к предмету сообщения, которые обозначают виды регулярно испытываемых рассказчиком и героями рассказа Короленко эмоций, возникающих у них под воздействием высокой степени проявления свойств каких-либо предметов или явлений художественной действительности (*жуткий, страшный, ужасный, грозный, злоеющий, лютый, нервный, исключительный, выразительный, удивительный, страстный, энергичный* и др.). Например: «*Как ни страшно начальство, как ни грозны его окрики – «артель» еще страшнее... она показала свое ужасное могущество... никто ни одним словом не выдал исполнителей страшного приговора*» [6, с. 144-145]; «*В глубине души он сознавал...что эта серая жизнь, жизнь на чужбине, постылой и неприветливой, не про него*» [6, с. 139]; **б)** лексемы группы *совершенный, напряженный, громкий, резкий* и т.д., являющиеся по происхождению выразителями сенсорной оценки силы звука, света, тактильных ощущений, т.е. свойств и процессов, способных оказывать интенсивное

воздействие на воспринимающий субъект: «*Ночь притаилась, охваченная ужасом – **чутким и напряженным***» [6, с. 132]; «... *подобные события нередко бывают **совершенною неожиданностью***» [6, с. 144]; «*Цербер, издав **громкий, торопливый лай**... последовал за мною*» [6, с. 132]; **в) лексемы группы неизмеримый, невероятный, невиданный, непримиримый** и др., которые указывают на то, что сенсорные возможности, ментальные и этические способности говорящего (или членов социума в целом) ограничены в плане оценки и выражения степени градуируемого признака: «... *перед встревоженным выражением грозно встают **неизмеримою, неодолимою** далью все эти горы, леса, бесконечные степи...*» [6, с. 131]; **г) лексемы группы роковой, небесный, чудный и др.** своей внутренней формой указывают на такую высокую степень признака, которая представляется повествователю нереалистичной, выходящей за пределы нормы, естества. Прежде всего, конечно, их употребление касается атрибутов фантастического мира: «*Добрейшей души старичок был, **царствие ему небесное**...*» [6, с. 170]; «... *я не спохватился, как незаметно подкрался тот **роковой час**, когда... неотвязное горе... явственно шепчет ужасные **роковые** слова: «Навсегда ... в этом гробу, навсегда!...»*» [6, с. 131]; **д) адъективы параметрической семантики: огромный, крупный, необъятный, великий, гигантский, немалый, неизмеримый, громадный и др.**, указывающие на высокую степень интенсивности признака: «*Земля лежит **громадная, необъятная**...*» [6, с. 176]; «*Обширная камера под низко нависшим потолком*» [6, с. 136]; «... *клубы пара, вылетающие из **гигантской** груди, бесшумно пронеслись по небу...*» [6, с. 176]; **е) конфликтные лексемы с начальным без- / бес (бесконечный, бесформенный, безмольный, бесшабашный, безграничный, безжизненный, беспокойный, безотчетно-смутный, безбрежный и др.)**, которые нередко совмещают наивысшую (положительную или отрицательную) оценку явления с актуализацией смыслов, свойственных художественному миру Короленко, усиливают философскую основу произведения. Например: «*Крыша юрты...казалась **островом, закинутым среди бесконечного, необозримого океана***» [6, с. 132]; «... *справа в **бесконечную** даль уходили волны Лаперузова пролива*» [6, с. 142]; «*Для массы, по-арестантски «ипанки», серой, **безличной** толпы, подобные события нередко бывают **совершенною неожиданностью***» [6, с. 144]; **ж) прилагательные сакральной семантики**, которые нередко совмещают положительную или отрицательную оценку явления с актуализацией смыслов: **крещеный, проклятый, царственный, спасительный, божий, небесное царство, покойный, блудящий**: «... *Бродяга-то хоть имя свое **крещеное** бросил, а тоже ведь и его баба родила, как и людей...!*» [6, с. 132]; «– *Да, – продолжал он тем же тоном, – работаю! То есть вполне даже как следует, по **божьему приказанию***» [6, с. 133];

Выбор подобных прилагательных чаще всего связан с их внутренней формой и ориентирует на восприятие слова в его семантической дву-, многоплановости. Высокие экспрессивные возможности данных единиц предопределяют их использование с целью создания разнообразных стилистических эффектов, усиления значения предельности того или иного существительного. Так, слова **напряженье, буря** и др., сами по себе экспрессивные, кажутся Короленко еще не достаточно выразительными, поэтому он ставит перед ними определения, подчеркивающие полноту предельной, экспрессивной насыщенности того или иного слова. Например: «...*разыграется ли **грозная буря**...*» [6, с. 135]; «*Только **легкое подергивание нижней губы и нервная игра мускулов** выдавали... **беспокойную напряженность** внутренней борьбы»*» [6, с. 135].

3. В системе глагола и глагольных форм, употребляемых В.Г. Короленко, отражается та же тенденция усиления: обилие слов, максимально осложненных экспрессией, интенсификация признака. «Исходя из грамматической природы глагольного слова, более характерной для них является роль интенсификов – единиц, совмещающих указание на признак и его усиление. Присущая данной части речи внутренняя интенсификация имеет разнообразные варианты» [8, с. 13], приобретающие в авторской картине мира наибольшую актуальность, например: **а) предикаты интенсивного перемещения (бросилась, сбегал, набежали, вскочил, исчезли, промчались, пробежали, мчались и др.)**: «*Порой... конек **кидался** в сторону слишком круто, дровни **опрокидывались**, лошади **мчались** вдоль улицы...*» [6, с. 177]; **б) предикаты производительной или деструктивной деятельности (износился, казнило, хлестнул, отмахнул, взыграло и т.п.)**: «*Молод ты, а я уж **износился**. Эх, море-то, море-то как жалостно да сердито **взыграло***» [6, с. 149]; **в) предикаты психофизических состояний (поражало, вспыхнули, сверкали, оскалил, вскрикивал, взвизгивает, вздрагивала, взыграло и др.)**: «– *Спасибо, господин... как завидел я твой огонек, сердце во мне **взыграло**...*» [6, с. 140]; «*Арестанты двинулись на огонь... всех **поражало** то обстоятельство, что ... никто не толкает их прикладами*» [6, с. 148].

4. Относительно абстрактная семантика наречий, свободная сочетаемость с различными час-

тиями речи, а также большое разнообразие частно-семантических особенностей обуславливает их весьма широкое употребление для передачи узуальных и окказиональных смыслов при выражении признака, усиленного в своем проявлении. Например: «*Якуты, вообще говоря, народ очень добродушный...*» [6, с. 138]; «... *Ах, ребята, ребята! Не очень вы, я вижу, востры, даром, что Салтанова поддели...*» [6, с. 173]; «*Вся шаль... была обильно усыпана хлопьями крепкого, плотно смерзшегося инея*» [6, с. 135]; «*Бедному псу, по-видимому, тоже становилось страшно*» [6, с. 132]; «*Я видел в нем только молодую жизнь ... страстно рвущуюся на волю*» [6, с. 175]; «*Действительно, туман совершенно рассеялся, воздух стал прозрачнее...*» [6, с.174]. Наречные интенсификаторы, не имеющие яркой внутренней формы (например, **много**, **немало** и др.) и потому отражающие более общий характер интенсивности, могут получать «заполнение своей опустошенности» через синонимические замены: «*Среди арестантских партий встречается немало юристов...*» [6, с. 147]; «*И столь этой рыбы много, так это даже удивлению подобно*» [6, с. 156]; «*в Н. тюрьма большая, народу в ней перебывало страсть...*» [6, с. 170]; «*Я знал, что скоро... останется только куча углей...*» [6, с. 134]; «... *есть у нашего брата тоже всякого народа достаточно...*» [6, с. 137].

Местоимения и незначащая лексика

1. Многочисленны в рассказе «Соколинец» местоимения, междометия, восклицания, служащие средством выражения эмоциональной оценки, внутреннего состояния, высокой степени интенсификации признака, исчерпывающего охвата отдельных однородных предметов, явлений, лиц и т.п. Например: «*Через минуту все они промчались мимо меня ... Все они на скаку размахивали руками и ногами и неистово кричали...*» [6, с. 177]; «*Не всякому ведь бродяге и могила-то достанется... Ох, и люта же тоска на бродягу живет!... Все вот на родину тянешься, а приди на родину, там тебя всякая собака за бродягу знает*» [6, с. 166 - 167]; «*Такой был ругатель, просто беда*» [6, с. 170]; «... *есть из нашего брата тоже всякого народу достаточно, которого и пустить никак невозможно. Ну, я не из таких, по совести говорю...*» [6, с. 137]; «*Эх, братцы, жизнь-то, жизнь ваша!*» [6, с. 166]; «*– Наша-то сторона, Рассея... Здесь вот все не по-нашему, что ни возьми... Также и народ взять: живут по лесу, конину жрут,, сырое мясо едят,, падаль, прости господи,, и ту трескают... тьфу!*» [6, с. 141]; «*... Неужто живому человеку могилу роют? ... Бог с тобой*» [6, с. 163]; «*Ах, ребята, ребята!*» [6, с. 173].

2. В создании максимальной экспрессии участвуют практически все группы частиц, с помощью которых передаются: а) **усилия** говорящего, направленные на то, чтобы воздействовать на адресата, направить его в русло «адекватного» (нужного) восприятия содержания высказывания (экспрессивность, интерпретируемая как выразительность); б) **добавление** (с усугублением); в) **нагнетание** чего-либо («объективная экспрессия» [3, с. 37]) является предметом сообщения (или входит в сообщаемое как органичная часть); г) **ограничение** («ограниченность» тесно связана с экспрессией: это усиление, но со знаком минус» [12, с. 308]); д) **расширение** и др. Например: «*Их всего пятеро – сила-то наша*» [6, с. 172]; «*– Ну, вот, вот! Он самый. Вы, стало быть, обо мне маленько наслышаны? ... Надо вот переметы с седла снять... Оно хоть, скажем, конь-то у меня во дворе привязан, а все же лучше: народ-то у вас в слободе фартовый, особливо татары*» [6, с. 136 - 137]; «*Завтра, смотри, идем мы*» [6, с. 151]; «*Ноги у бродяги привычные: весь изомрет, а ноги-то все живы, – идет себе, с ноги на ногу переваливается. Так ведь до самой смерти все старик шел*» [6, с. 155]; «... *Такой был ругатель, просто беда*» [6, с. 170]; «*Русский человек – хлебный, а он рыбу одну жрет. С рыбы-то много ли он силы наест? Куда им!*» [6, с. 159].

3. Указательные местоимения, частицы, местоименные наречия, образующие разного рода сочетания, заключают в себе большие интонационные возможности, – естественно, что именно эти языковые средства используются автором для выражения состояния предельной взволнованности персонажа: «*Здесь вот все не по-нашему, что ни возьми... у нас лошади, ежели приехал на ней, первым делом требуется пища, а эту вот накорми горячую – подохнет*» [6, с. 141]; «*– Ну, да что тут...*» [6, с. 142]; «*Да вот то же! ...Солдаты-то ведь слышали! Ты как об этом думаешь? Ведь это есть угроза!*» [6, с. 146]; «*Чего советовать-то... пройдет еще дня три... Вот тут и думай*» [6, с. 149]; «*В могилу мне собираться, вот куда!*» [6, с. 152]; «*Как же... ведь это кордон... Ну, все же как-то нас бог миловал...*» [6, с. 155]; «*Мочи моей нету, вот что!*» [6, с. 157]; «*Да что вы это, лешие!*» [6, с. 172]; «*Ох, ребята, беда ведь это...*» [6, с. 169].

Высокая степень выражения интенсивности признака находит свое воплощение в использовании

элативных и суперлативных форм прилагательных с целью усиления содержательной и выразительной сторон высказывания [2, с. 206]. Например: «**Широчайшие** рукава якутской “сонны” подымались складками на плечах выше ушей» [6, с. 135]; «Во всякой арестантской артели все **важнейшие** дела вершатся более влиятельным и сплоченным ядром» [6, с. 144]; «**Добрейшей** души старичок был...» [6, с. 170]; «Дело ваше теперь очень опасно – **пуще всего**, что Салтанова убили» [6, с. 163]; «...хоть ты и **старше нас всех**, однако, видно, нам самим о себе промышлять надо...» [6, с. 155]; «Правда, что без этой помощи человеку... пришлось бы ... **в самом скором** времени умереть от голода и холода... правда также, что **всего охотнее** эта помощь оказывается в виде пособия “на дорогу”» [6, с. 138]; «... как верховые, так и пешеходы выписывали вдоль и поперек улицы **самые причудливые зигзаги**» [6, с. 176].

Среди способов выражения интенсивности в области **адъективного признака** можно отметить **аффиксацию, сочетания имен прилагательных с наречными интенсификаторами, фразеологизированные конструкции, словосложение**. Например: «Несколько времени маячили еще в глазах очертания стоявшего в середине юрты **громдного камелька**» [6, с. 130]; «Минута в воздухе с открытым лицом грозила **отмороженным носом или щекою**» [6, с. 130]; «Начальство... не намерено было замять неприятное дело, приписав смерть случайности или **скоропостижным** болезням» [6, с. 144]; «Дело ваше теперь **очень опасно**...» [6, с. 163]; «Якутская лошадь **не особенно сильна, зато удивительно нетребовательна**...» [6, с. 140]; «Тишина... стоим все **ни живы, ни мертвы**...» [6, с. 162].

Действия, обозначенные в рассказе «Соколинец» глагольными интенсивами, могут быть модифицированы словообразовательными средствами. Некоторые из приставочных образований демонстрируют устойчивость в идиостиле писателя, обнаруживая заметное пристрастие автора к определенным художественным образам, которые мыслятся как активное, деятельное начало. Так, предикаты с приставкой **вы-**, обозначающие *‘интенсивное движение, действие, направленное наружу’*, регулярно формируют актуальные зрительные картины: «“**Не избыть острова!**” Это была постоянная фраза, в которой **вылилась** безнадежная уверенность неудачника-бродяги» [6, с. 150]; «... по временам... из какой-нибудь трубы вдруг **вырывались** снопы искр... Якуты топят всю ночь без перерыва: в короткую незакрытую трубу тепло **вытягивает** быстро...» [6, с. 156]; «**Выволокли** они нам две лодки...» [6, с. 160]. Глаголы с приставкой **вы-** обозначают усиление как: **а) тщательность действия (выдерживают, выбрали, вытягивая, встряхивая выжидая** и др.): «– Здравствуйте, господин, – сказал он, **встряхивая** трубку об уголок...» [6, с. 136]; «... перед отправлением в путь сытую лошадь тоже **выдерживают** без пищи иногда в течение суток и даже больше» [6, с. 141]; **б) завершенность действия, доведения до конца или предела (вынес, вышел, выплыли, выделился** и др.): «Только успел первый солдат **выстрелить**, мы уже на них набежали... Салтанов **выпалил**; черкес нагнулся...» [6, с. 161 - 162]; **в) сопровождение действия большими усилиями (вынужденных, выпроводить, выволокли, вырваться, выбраться, вырывались** и др.): «У всякого арестанта живуче какое-то инстинктивное сочувствие смелой попытке **вырваться** из глухих стен на вольную волю» [6, с. 153]; «...Крупные черты его были отмечены тем особым выражением, какое нередко приходилось мне замечать на лицах людей... **вынужденных** постоянно держаться настороже...» [6, с. 135]; **г) неконтролируемость действия (выписывали, вышло, вырвавшие, выдался** и др.): «– Дядя... Что больно **разошелся?**» [6, с. 176]; «–... Нехорошо у нас **вышло**» [6, с. 157]; «Эти поклонники Магомета... **выписывали**... самые причудливые зигзаги» [6, с. 176]; **д) чрезмерность действия, предельность (выдавалась, вылилась, вывалиться, не выдай** и др.): «Нижняя часть лица несколько **выдавалась вперед**» [6, с. 135]; «– ... Смотри, Серко,, завтра **не выдай!**...» [6, с. 157]; **е) полноту охвата действием (выжаты, выпивши, выстроен, выражали** и др.): «Туман стоял неподвижно, **выжатый** из воздуха сорокаградусным морозом...» [6, с. 131]; «Я заметил, что он уже **“выпивши”**» [6, с. 178]; «– От старости, видно, из ума **выжил**...» [6, с. 146].

Во многих образованиях аффиксальная интенсивность иррадирует с интенсивностью корневой. Стилистически окрашенные суффиксы, которые вносят в семантику лексических единиц положительную или отрицательную оценку, помогают автору передать отношение к героям: *Буранушка, солдатик, соколиньские бродяжки, горюшка, арестантики, старичок, дурачки* и др.

Аффиксация как выражение интенсивности признака в области **имен существительных** представлена группами слов, обозначающими: **а) качественно-размерную оценку предмета (льдина, домовина, лучина, скотина)**: «... сквозь оконные **льдины** тускло заглядывал мертвящий якутский мороз» [6, с. 130]; «Прикажи-ка, Василий, на этом месте **домовину** вырыть...» [6, с. 164];

«Вскоре в камельке, широко зиявшем открытою пастью в середине юрты, вспыхнул огонек за-
жженной мною **лучины**» [6, с. 132]; б) **лиц по качественному признаку, свойству, действиям, определяющим ту или иную характеристику** (положительную – отрицательную), **отношение** (одоб-
рительное – неодобрительное) **к ним** (*подлецы, олухи, мерзавцы, молодца, удалец*): «Вот ведь, **подлецы**, чего делают!... Жалко ведь **мерзавцев-то**...» [6, с. 171]; «... побег на острове – дело крайне
рискованное... на это дело отваживаются только исключительные **удальцы**...» [6, с. 149]; в) **лиц по**
преобладающему признаку, особенностям, характеристическому действию (*силач*): «С Васильем
пошел его приятель, который “по бродяжеству” носил кличку... **силач** и хват...» [6, с. 151]; г) **лиц**
по предмету, который представляется отличительной приметой кого-нибудь, типическим при-
знаком или свойством (*Буран*): «Старый **Буран** бегал уже с Сахалина, и потому первый выбор пал
на него» [6, с. 147]; д) **лиц по какому-нибудь действию, процессу, роду деятельности, свойству**
или признаку, связанному с отношением к предмету, занятию, характеру поступков (*арестант,*
ругатель, убийца, проныра, неудачник, хват, отступник, добродетель): «Пароход остано-
вился... стали выводить **арестантов**» [6, с. 148]; «**Убийца** не все же только убивает...» [6, с. 134]; «С
Васильем пошел... один татарин, **плут и проныра** ...» [6, с. 152]; «“Не избыть острова”. Это была
постоянная фраза... **неудачника-бродяги**» [6, с. 150]; «Серое кандальное общество казнило своих
отступников» [6, с. 144]; «Такой был **ругатель** просто беда. Кричит, кричит, и ногами топает, и
кулаки сжимает ... а никакого страха от него не было... добровольно артель за его **добродетель**
награждала» [6, с. 170]; е) **субъективную оценку, характер или высшее качество, свойство лица,**
бранные, презрительные, уничижительные, иронически-пренебрежительные характеристики
(*дураки, каналы, олухи, падаль, бродяга, бедняга, шпанье*): «**Дураки вы!** Пожалея я вас, **олухов...**
кан-налы этакие!» [6, с. 172]; «– ...Здесь вот все не по-нашему... То же и народ... **падаль**, прости
господи, и ту трескают...» [6, с. 141]; «Один он, **бедняга**, на всем кордоне остался...» [6, с. 162];
«... Что ты на меня так смотришь! **Бродяга я, бродяга!**...» [6, с. 179]; «Много вы, **шпанье**, понимае-
те!» [6, с. 146]; ж) **высокую степень состояния, характеристического свойства, отвлеченного**
качества лица, деятельной натуры (*могущество, пылкость, напряженность, энергия, трагедия*
и др.): «“артель”... показала свое ужасное **могущество**» [6, с. 144]; «Нижняя часть лица не-
сколько выдавалась вперед, обнаруживая **пылкость** страстной натуры ... легкое **подергивание**
нижней губы и нервная игра мускулов выдавали... **напряженность** внутренней борьбы» [6, с. 135];
«Я видел ... молодую жизнь, полную **энергии и силы**, страстно рвущуюся на волю ... Куда?»
[6, с. 175]; з) **характер психофизических (эмоциональных) состояний, настроений** (*злоба, нытье,*
страдание, возбуждение, оживление, хрипение и др.): «Полно...тебе бабиться... на других тоску
нытьем нагоняешь» [6, с. 167]; «Но вот...улица приходит в какое-то особенно суетливое **оживле-**
ние ... появилась кучка всадников... Глаза татар сверкали **возбуждением, почти злобой** [6, с. 177];
... не одно ухо чутко ловило... **хрипение и вздохи**...» [6, с. 145]; «... это несколько смягчило резкие
очертания лица, залегло над бровями и в черных глазах **выражением страдания**...» [6, с. 135]; и) **вы-**
сокую степень опасности положения, состояния, агрессию, крайнюю степень проявления при-
знака (*мороз, опасность, погибель, нечисть, крышка, беда, угроза, смерть, кобыла* и др.; отметим
и слова, образованные безаффиксным способом словообразования: *расстрел, побег, приговор, взрыв*
и др.): «...мне стоит артели сказать, что тогда над тобой сделают?» «Знаю... сделают **крышку**,
потому что стою... Нечестно старому бродяге помирать такую **смертью**» [6, с. 152]; «Первый
кордон Варки называется... последний самый – **Погиба**... больше всех тут нашему брату **погибель**»
[6, с. 150]; «...никто... не выдал исполнителей страшного **приговора**» [6, с. 145]; «Ну, а что ты ему
сказал?... Ведь это есть **угроза**... Сообрази-ка ты все это, да и готовься к **расстрелу!**» [6, с. 146];
«Молчаливая юрта наполнилась вдруг **говором и треском**... в юрте раздавались частые **взрывы,**
точно **пистолетные выстрелы**» [6, с. 132].

Своеобразие рассматриваемых форм в том, что они несут двойную семантическую нагрузку: на передаваемое ими значение высокой степени интенсивности признака часто накладываются эмоцио-
нально-оценочные обертоны, предопределяющие разные сферы их стилистического использования.

Весьма активно вовлеченными в создание свернутых экспрессивных построений оказываются словосочетания с именем существительным в родительном падеже с предлогом **до**, означающие ин-
тенсивное обнаружение какого-либо действия, свойства, признака. Например: «– *Теперича я с татар*
*что захочу, то за него и возьму. Верно тебе говорю, потому татарин хорошего коня **обождает до***
страсти!» [6, с. 178]; «... в несколько мгновений мое жилье **изменилось до неузнаваемости**» [6, с.

132]; «*На полдень пойдешь – дойдешь до конца острова...*» [6, с. 150]; «*Так ведь до самой смерти все старик шел... вплоть до последнего...*» [6, с. 155]; «... клубы пара ... **проносились по небу от края до края**» [6, с. 174]. Представленные части синтаксической конструкции обладают заметно повышенной смысловой отягощенностью. Очевидно, что данное свойство этой, разговорной по происхождению, синтаксической особенности писательского почерка Короленко, отвечает общему характеру его творческой манеры.

Употребление фразеологических единиц со значением интенсивности признака в рассказе «Соколинец» обусловлено тем, что, исходя из особенностей своей природы, обладая мощным коннотативным потенциалом (включающим выразительность, эмоциональность, оценочность и т.п.), они обеспечивают большую экспрессию, чем соотносимые с ними лексемы и свободные словосочетания. Короленко активно включает узуальные фразеологические единицы со значением интенсивности признака предикативной и непредикативной структуры, приспособляя их к условиям (законам) контекста (сокращая компонентный состав фразеологической единицы или вводя в него дополнительные лексические элементы, не содержащие интенсем, варьируя его с помощью синонимических единиц или единиц того же лексико-семантического поля, изменяя грамматическую форму, контекстуально расширяя границы или сокращая состав и т.д.). Этой же цели соответствуют и разнообразные авторские структурные модификации фразеологических единиц, суть которых – выразить более высокую, чем в узусе, степень признака.

Изменяя структуру фразеологической единицы, писатель стремится обновить положенный в ее основу микрообраз, наполнить его особым смыслом, разрушив тем самым стереотипность восприятия. Из огромной сокровищницы великого русского языка В.Г. Короленко выбирает необходимые слова и устойчивые сочетания, с помощью которых добивается точной, яркой и образной художественной речи. Например: «– ... *В нашем наслеге, может, когда быть доведется, – милости просим ко мне. Найдём чем угостить, **слава те господи!***» [6, с. 140]; «...*Идешь, идешь, да прямо на кордон и наткнешься. **Не дай господи!***» [6, с. 150]; «... *мне стоит артели сказать... **сделают крышку...***» [6, с. 152]; «...*Видишь, он не в себе что-то... как будто не в полном рассудке...*» [6, с. 154]; «*Братцы! ... **прости те ради Христа***» [6, с. 155]; «... *Стоим все ни живы, ни мертвы ... И солдатик... убежал... беги, **бог с тобой!***» [6, с. 162]; «...*если б век вас не видать, и нам, и вам лучше бы было*» [6, с. 172]; «...*опытные арестанты, **прошедшие и огонь, и медные трубы**, покачивали головами... **запасай ноги...** Совсем **табак** твое дело!... “Не болтай, Буран ... От старости, видно, **из ума выжи**”... “**Не выжил я из ума...** хоть **пропадите вы все пропадом...**”» [6, с. 145-146].*

Фразеологические единицы, включенные в ткань различных синтаксических конструкций, повышают их информативные возможности, делают более точными и выразительными, эмоционально и экспрессивно насыщенными, участвуют в создании художественных образов, колоритной авторской речи и речи героев, портретных и пейзажных зарисовок и т. д.

Короленко широко использует книжно-литературную лексику и фразеологию, сталкивает разностильные средства в целях достижения в каждом конкретном случае стилистического эффекта. Например: «*Казалось, неуклюжий **пенат якутского жилия простирает** навстречу тьме широко раздвинутые руки...*» [6, с. 130]; «*Начальство... не намерено было **замять** неприятное дело, **приписав** смерть случайности или **скоропостижным** болезням*» [6, с. 144]; «*И почему, спрашивал я себя, этот рассказ **запечатлевается** даже в моем уме – не трудностью пути... даже не “**лютою бродяжьей тоской**”, а только **поэзией вольной волюшки?**» [6, с. 175].*

Рассказ «Соколинец» и сегодня остается одним из лучших в русской литературе, а характер Василия Багылая, созданный В.Г. Короленко, – одним из самых оригинальных в ней. Герой Короленко предельно откровенен. Он простодушно спешит поделиться тем, что с ним было, своими переживаниями по этому поводу, искренне удивляясь вместе со слушателем всем драматическим и курьезным событиям своего «житья–бытья». И в этой откровенности, самооценке (нередко нелицеприятной) персонажа раскрываются неожиданные, подчас противоречивые стороны в общем-то незаурядной личности – активной, независимой, имеющей на все свой оригинальный, независимый взгляд, не терпящий никаких ограничений свободы, нравственной самостоятельности, какого бы то ни было произвола.

Текст рассказа «Соколинец» оказывается экспрессивно насыщенным благодаря обилию в нем различных по формам повторов: **а) повторов отдельных слов, однокоренных лексем:** «*Ну, Буран... тебе впереди идти, тебе и порядки давать...*» [6, с. 149]; «– ... *Ах, **господин, господин!**...*» [6, с. 140]; «***Кричит, кричит**, и ногами топает...*» [6, с. 170]; «...*когда пароход шлепал колесами по*

спокойному морю...*когда* часовые... дремали в проходах трюма... *когда* на нарах рядами лежали... фигуры спавших арестантов ... совершалась безмолвная драма» [6, с. 144]; «Ничего *будто* со мной не бывало... Лежу *будто* в горенке... А мать *будто* песню поет» [6, с. 167-168]; «Да ты что в самом деле! *Ведь* ребята четвертые сутки в кустах. *Ведь* им теперь на кобылу ложиться ... *Ведь* мне стоит артели сказать...» [6, с. 152]; «*На* восток ежели пойдешь – заплутаешься в камнях: *либо* пропадешь, *либо* сам ... явишься. *На* полдень пойдешь – дойдешь до конца острова...» [6, с. 150]; «*Горькая* ваша жизнь... *горькая*» [6, с. 166]; «Юрта где задымится в стороне – *конь так и воротит к ней, так и воротит*...» [6, с. 140]; «*Три дня* здесь вас не спохватятся... *три дня* можно на переключку не являться...» [6, с. 151]; «*Убийца* не все же только убивает, он еще и живет, и чувствует то же ... Но когда мне приходилось приобретать в этой среде новое знакомство и если при этом у нового знакомого оказывалась оседланная лошадь, а в седле болтались вьючные “сумы-переметы”, то вопрос о принадлежности лошади внушал некоторые сомнения...» [6, с. 134]; «... Тогда в юрте настанет *опять* безмолвие мрака, а в мое сердце *опять* вольется тоска... я *опять* останусь *один*... *один* перед долгою, тоскливою, бесконечною ночью» [6, с. 139]; б) повторов-подхватов: «В глубине души он сознавал ... что эта серая жизнь, жизнь на чужбине, постылой... не про него» [6, с. 138]; «...Эх, *море-то, море-то* как жалостно да сердито взыграло!» [6, с. 149]; «А не *вернешься*... не *вернешься*, так все равно воронье тебя расклюет...» [6, с. 151]; в) повторов словесных комплексов: «А подавленное... горе, спрятанное далеко-далеко в глубине сердца, смело подымет теперь злоеущую голову...» [6, с. 131]; «*Идешь, идешь* да прямо на кордон и наткнешься» [6, с. 150]; «А таких все равно *запирай не запирай* – убегут...» [6, с. 146]; «Легли мы, солнце-то еще *только-только* склоняться стало...» [6, с. 161]; «... *точка в точку* выходит» [6, с. 166]; «*Слово за слово*, разговорились» [6, с. 168]; «*И почему*... этот рассказ запечатлевается... *только поэзией вольной волюшки?*» [6, с. 175]; г) повторов синтаксических формул: «Оконные льдины...искрились и переливались отблеском пламени, *точно самоцветные камни*... Моя одинокая юрта сверкает светлыми льдинами и сыпет, *точно маленький вулкан*... Цербер...установился на огонь и следит неподвижно, *точно белое изваяние*» [6, с. 133]; «Кому же у того огня быть?» «Не можем знать... Как-ие-нибудь проходящие». «*То-то, проходящие*...» [6, с. 171]; «*Станут* ... людей выкликать, *вы* все в то число становитесь; *станут* туда провизию запасть, и *вы* свои сухари да галеты в телегу складывайте... Три дня здесь вас не спохватятся... Ну, а уж если на четвертый день не явился, *то* прямо считают в бегах» [6, с. 151]; «А что, *ведь и вправду все это и есть в действительности?*» [6, с. 137]; д) повторов, сочетающихся с перечислением однородных членов, однородных придаточных: «*Гольцы, да тайга, да кордоны!*» [6, с. 148]; «*Каждый шаг, каждое движение* серой толпы введены твердою рукой...» [6, с. 143]; «Вот, думаем, он сейчас *зевнет, да перекрестится, да и завалится опять... в тепле, да в сытости, да никого-то он не боится*...» [6, с. 166]; «Стоит ли над морем яркое тропическое солнце, свистит ли ветер... ударит ли волной непогода, разыграется ли грозная буря... здесь, все так же взаперти, прислушиваются к завыванию ветра сотни людей...» [6, с. 143]; е) повторов, сочетающихся с параллелизмом строения фразы: «На берегу в темноте виднелись кое-где огни; море плескалось в берег, *на небе висели тучи, а на сердце у всех такая же темная, такая же мрачная нависла тоска*» [6 с. 148] – здесь параллелизм тематический «*висели тучи, нависла тоска*» опоясывает параллелизмы интонационные и лексические «*такая же темная, такая же мрачная*»; ж) видовая замена (один вид повтора сменяется другим): ...какая-то печальная нота трепещет в воздухе: «*“Далеко, далеко!”*... И мечта уносила меня все *дальше и дальше*...» [6, с. 174 - 175]; «*Не видал я ... хорошего и теперь не вижу. Только и видел хорошего до семнадцати лет. Ладненько тогда жил, пока родителей слушал. Перестал слушаться – и жизнь моя кончилась. С самых тех пор... не живу вовсе*» [6, с. 141 - 142]; «... *три* арестанта не поднялись с своих мест... эти *трое* никогда уже не поднимутся на переключку» [6, с. 144]; «Вы судите по-рассейски, а я по-здешнему. Я *здешние-то* порядки знаю...» [6, с. 146]; з) повторов, сочетающихся с усилением градационным: «*Как ни страшно* начальство, *как ни грозны* его окрики – “артель” еще *страшнее*...» [6, с. 142]; «Ох, и люта же тоска на бродягу живет! *Ночка-то темная, тайга-то глухая... дождем тебя моет, ветром тебя сушит и на всем-то, на всем* белом свете нет тебе ни родного угла, ни приюту ... Все вот *на родину* тянешься, а *приди на родину, там тебя* всякая собака за бродягу знает. А *начальства-то много, да начальство-то строго*... Долго ли *на родине* погуляешь – *опять тюрьма!* Да еще и *тюрьма-то* иной раз раем вспоминается...» [6, с. 167]; и) повторов синонимичных лексем и слов, входящих в ту же лексико-семантическую группу: *путь-*

дорожка, молодцы-соколинцы, сумы-переметы, неудачник-бродяга, море-окиян и др. (нетрудно заметить, что при синонимическом повторе второй компонент актуализирует и одновременно расширяет семантику первого; при повторе слов одной ЛСГ образуются составные наименования (формулы) – слова-биномины, функционирующие как устойчивые единицы народно-поэтического языка): «*На полдень пойдешь – дойдешь до конца острова, а там море-окиян...*» [6, с. 150]; «... *А в седле болтались вьючные “сумы-переметы”...*» [6, с. 134]; **к) повторов, участвующих в организации периода:** «*Минуты, часы безмолвною чередой пробежали над моею головой, и я спохватился, как незаметно подкрался тот роковой час, когда тоска так властно овладевает сердцем, когда «чужая сторона» враждебно веет на него всем своим мраком и холодом, когда перед встревоженным воображением грозно встают неизмеримую, неодолимую далью все эти горы, леса, бесконечные степи, которые залегли между тобой и всем дорогим, далеким, потерянным, что так неотступно манит к себе и что в этот час как будто совсем исчезает из виду, рея в сумрачной дали слабым угасающим огоньком умирающей надежды...*» [6, с. 130-131].

Перечисленными и проиллюстрированными выше несколькими разновидностями повторов не ограничивается применение в тексте рассказа «Соколинец» этого приема – являющегося одним из органических свойств писательской манеры В.Г. Короленко: «этот прием, концентрированно вмещающий в себе возможность организации прогрессивного развертывания мысли (идеи) с одновременным интонационно-ритмическим и смысловым подчеркиванием ее существенных элементов, допускающий разнообразные «внутренние» модификации и легко взаимодействующий с другими приемами синтаксической экспрессии, охватывающий разные по объему контексты, – весьма эффективен по своей способности придавать высказыванию окраску эмоциональной напряженности» [3, с. 226]. С помощью повторов выражаются скрытые смыслы, многообразные смысловые и эмоционально-экспрессивные оттенки, которые служат для: **а)** усиления смысловой значительности и убедительности высказывания, выделения той или иной детали описания, например: «... *перед встревоженным воображением грозно встают неизмеримую, неодолимую далью все эти горы, леса, бесконечные степи, которые залегли между тобой и всем дорогим, далеким, потерянным, что так неотступно манит к себе и что, в этот час, как будто совсем исчезает из виду, рея в сумрачной дали слабым угасающим огоньком умирающей надежды... А подавленное, но все же неотвязное горе, спрятанное далеко-далеко... шепчет ужасные роковые слова: «навсегда... в этом гробу, навсегда!...»* [6, с. 131] (поэтический образ «даль» навеян российскими просторами, широкими пейзажными панорамами, открывающимися взору наблюдательного и равнодушного, влюбленного в Россию художника, умеющего видеть то, что не замечают другие); **б)** обозначения длительности или интенсивности действия: «*Шли-шли, вышли на утесик...*» [6, с. 158]; **в)** подчеркивания или уточнения признака предмета: «*А ночь темная... Нашему-то брату, бродяжке, темная ночь – родная матушка; на небе темнее – на сердце веселее*» [6, с. 171]; **г)** обозначения большого количества или массы предметов: «... *а мы на них, мы на них, как лютые волки!...*» [6, с. 162]; **д)** усиления эмоциональности, патетичности речи: «... *мне все одно, хоть пропадите вы все пропадом...*» [6, с. 146]; **е)** связи частей текста в описаниях, рассуждениях, монологах, в публицистической и ораторской речи и одновременно выделения важного понятия или целой мысли: «...*мимо кордонов идти придется, а в кордонах солдаты. Первый кордон Варки называется, предпоследний Панги, последний самый – Погиба. А почему Погиба? – больше всех тут нашего брату погибель. И хитро же у них кордоны поставлены: где этак узгорочек круто заворачивает, тут и кордон выстроен. Идешь, идешь да прямо на кордон и наткнешься...*» [6, с. 150]; **ж)** привлечения внимания к произведению, пейзажной или портретной зарисовке: «*Бродяга я, бродяга!...*» [6, с. 179].

Концентрация в одном тексте слов, образованных по одной словообразовательной модели, – это оригинальный способ выделения экспрессивных доминант определенных фрагментов текста. Повтор однотипных суффиксов усиливает эмоциональную оценку, выражая предельную степень переживания: «*Горный берег реки, бедные юрты селения... снежная гладь лугов, темная полоса тайги – все погрузилось в безбрежное туманное море*» [6, с. 132]. Повтор тождественны по форме частей слова создает особый вид звукописи, которая становится своеобразной «поэтической составляющей» прозаического текста: «... *и хотя ближайшее знакомство не позволяет, конечно, особенно идеализировать «несчастенького», взламывавшего замки, воровавшего лошадей или проламывавшего темной ночью головы ближних...*» [6, с. 134]; «*В бесшабашной и потерянной среде поселенцев, бедствовавших, воровавших и нередко разбойничавших по наслегам, он был одним из немногих, предпочитавших трудовую*

жизнь... попы, **выезжая** на потребу, охотно **заезжали** к нему на перепутье и сами сажали его за стол, когда ему случалось **приезжать** к ним» [6, с. 138]. Усиление значимости повторяющейся приставки включает ее в круг речевых средств, выражающих сквозные образы (например, мир, таящийся за солнечным покровом жизни), которые взаимодействуют с темой «грозного Космоса», вечного и непостижимого (образ мглы): «... Минуты, часы **безмолвною** чередой пробежали над моею головой... незаметно подкрался тот роковой час ... когда... грозно встают **неизмеримою, неодолимою** далью... **бесконечные** степи... рея в сумрачной дали **слабым угасающим** огоньком **умирающей** надежды... всюду взгляд упирался в **бесформенную, безжизненную** серую массу...» [6, с. 130-132].

Посредством словообразовательного повтора в тексте выделяются доминанты разных типов: **а)** устойчивые характеристики персонажей и ситуаций: «... крупные черты его были отмечены особым **выражением**... Черные **выразительные** глаза его кидали быстрые, короткие взгляды. Нижняя часть лица несколько **выдавалась** вперед, обнаруживая **пылкость** страстной природы, но бродяга... давно уже привык сдерживать эту **пылкость**. Только легкое подергивание нижней губы и **нервная** игра мускулов **выдавали** по временам беспокойную **напряженность** внутренней борьбы... взгляды в **энергичное** лицо молодого бродяги, я все яснее различал в нем какую-то **странность**... Темные глаза глядели по временам задумчиво и умно, все черты **выражали** **энергию**... Только по временам нижняя часть лица как-то **нервно** вздрагивала, и блеск глаз потухал. Было видно, что Багылаю стоит некоторого усилия держать этот ровный тон, сквозь который что-то как будто силилось пробиться наружу, что-то горькое, подавляемое только **напряжением** воли...» [6, с. 135 -139]; **б)** концептуальные доминанты, связанные с «образованием понятий» и имеющие отношение прежде всего к этическим, историко-культурным темам: «**Убийца** не все же только **убивает**, он еще и живет, и чувствует то же, что чувствуют все остальные люди, в том числе и благодарность к тому, кто его приютит в мороз и непогоду» [6, с. 134].

В некоторых случаях отмечается некоторая «перенасыщенность», «лишняя наполненность», «неоправданная избыточность речи», «нерегламентированность», подчас «тавтологичность», что становится возможным вследствие включения в ткань художественного произведения лексемы с ориентацией на ближайший, как правило, «усилительный контекстуальный смысл и желание особо выделить иллюкутивную силу речевого акта» [8, с. 243], в результате чего в тесно связанном контексте создается «атмосфера эмоционального нагнетания, усиления...» [7, с. 37], подчеркивается исключительность какого-либо факта, признака, свойства, повышается смысловая значительность и убедительность высказывания и т.д. Например: «Но теперь все это потонуло в сером... **тумане**. **Туман** стоял неподвижно... где-то **далеко-далеко** висела одинокая звезда...» [6, с. 131 - 132]; «Нам бы давно уж... привал сделать, а он, видишь, **прет себе да прет**» [6, с. 154]; «А ветер-то все гуляет ... старички... **криком кричат**... Каменный берег весь **стоном стонет** ... Мигом сон с меня соскочил; **крикнул** я тут **громким голосом**» [6, с. 160 - 161]; «Развязав ремни, он стал вынимать... **круги мерзлого** ('затвердевший от мороза', '**испорченный морозом**') масла, **мороженого** ('подвергшийся замораживанию', '**испорченный от мороза**') молока... Затем он снял шаль... оставшись в **красной кумачной** (кумач – 'ярко-красная ткань') рубахе...» [6, с. 137]; «Вот слышали мы, что русский человек в тайге **голосом голосит**, кинулись в овраг...» [6, с. 164].

Случайное или преднамеренное столкновение слов одного корня, повторяемость слов для обозначения одного и того же понятия настораживает взыскательный вкус, поскольку не во всех случаях можно легко провести убедительную четкую границу между тавтологией-недочетом и тавтологией-приемом. Многие тавтологические формы, которые складывались веками в речевой практике народа, прочно закрепились в качестве нормативных лексических единиц, смысловая избыточность которых была нейтрализована их поэтичностью и экспрессивностью (например, типичные компоненты речевого стиля сказок, фразеологические единицы, анафора, эпифора, градация и др.). Тавтология в языке рассказа «Соколинец», как правило, обусловлена контекстом. Это не механическое повторение, не дублирование уже выраженного понятия. Такое повторение всегда предопределено стилистическим заданием и потому стилистически оправдано, поскольку: **1)** не противоречит языковой традиции; **2)** «усугубление в речи одного и того же слова дает новое значение – объективное или субъективное» [11, с. 209]; **3)** повествование-исповедь – это сказ, сюжет в котором: **а)** проходит сквозь призму сознания и стилистическое оформление посредника-рассказчика; **б)** нацелен на живое ведение речи, и поэтому для него характерны многие приметы разговорного стиля (это и активность средств субъективной оценки, наличие речевых стандартов, функционирование фразеологизмов разговорного ха-

рактера, употребление различных элементов (в том числе и «избыточных», «перенасыщенных», «тавтологических» на всех языковых уровнях); 4) актуализация того или иного стилистического задания, свойства (стилистического впечатления, стилистической информации), «реализующаяся в определенном речевом отрезке художественного текста, направлена на достижение конкретного выразительно-изобразительного эффекта» [9, с. 32]; 5) «усиливает яркость и патетичность речи... аргументирующие линии высказывания... конденсирует побудительные импульсы...увеличивает экспрессивный потенциал произведения» [5, с. 59-60].

Особый эмоциональный строй речи, пронзительность, психологизм прозы В.Г. Короленко особенно ярко проявляется в подборе нужных эпитетов, в которых запечатлено удивительное умение писателя видеть, чувствовать, запоминать мир с его красками, запахами, звуками, в своеобразном употреблении синонимов, воссоздающем – при таком мощном подспорье, как рифма, эпитет и звукообраз, – движение и его оттенки. Например: «*Огонь сотней языков перебежал между поленьями, охватывал их, играл с ними, прыгал, рокотал, шипел и трещал. Что-то яркое, живое, торопливое и неугомонно-болтливое ворвалось в юрту, заглядывая во все ее углы и закоулки. По временам трескучее, разыгравшееся пламя стихало. Тогда мне было слышно, как ...шипели, трескались в морозном воздухе горячие искры*» [6, с. 132 - 133]; «... настанет опять безмолвие мрака... А я опять остаюсь один... один перед долгою, тоскливою, бесконечною ночью» [6, с. 134].

Эмоционально и экспрессивно насыщенными, психологически «заряженными» представлены две начальные прозаические строфы. Построенные на психологическом параллелизме между тем, что совершается в природе, и тем, что происходит в человеческой душе, они вызывают целый ряд ассоциаций, которые расширяют пространственную и временную перспективы произведения и уводят в особый мир поэтических образов, оказывающихся связанными между собой общей эмоциональной тональностью: «*молчание и мрак зимней ночи*»; «*мертвящий мороз*»; «*тоска, овладевшая сердцем*»; «*мрак и холод чужой стороны*»; «*угасающий огонек умирающей надежды*»; «*подавленное неотвязное горе, спрятанное в глубине сердца*»; «*мертвое затишье*»; «*ужасные роковые слова*».

В арсенале стилистических средств актуализации значительности высказываемой мысли находится прием выражения «недосказанности», наличие которого в ткани художественного произведения способствует созданию атмосферы таинственного, «судьбоносного», рокового и обусловлено нежеланием «открыться», выразить словами то, что скрыто в глубинах человеческой души: «– Довольны ли вы своей жизнью? – спросил я...– Да, жизнь... Эх, господин, ежели рассказать вам!... Не видал я в жизни своей хорошего и теперь не вижу. Только и видел хорошего до восемнадцати лет. Ладненько тогда жил, пока родителей слушал. Перестал слушаться – и жизнь моя кончилась ... С самых тех пор, я так считаю, что и на свете не живу вовсе. Так... бьюсь только напрасну... Ну, да что тут...» [6, с. 141-142].

Часты в рассказе и приемы обрыва речи, которые являются средством отражения сильного волнения, глубоких переживаний говорящего. Грамматически этот прием выражается прерванным предложением, на письме – многоточием. Например: «– А дальше... да что уж тут... сами подумайте: ведь их всего-то пять человек, а нас двенадцать. Да, еще думали они нас сонных накрыть, все равно как тетеревей, а вместо того мы им и оглянуться-то и собраться в кучу не дали... Ножи у нас длинные...» [6, с. 161]; «Нет уж, братец, – отвечает старик, – против своей судьбы не пойдешь, а уж мне судьба лежать на этом острове, видно. Так пусть уж... чуяло сердце...» [6, с. 163].

В качестве средства выражения различных эмоциональных состояний, свойств и процессов, способных оказывать интенсивное воздействие на воспринимающий субъект, Короленко широко использует звуковые повторы, продление и усиление звуков. Например: «*А ветер-то все гуляет по проливу, волна так и ходит; белые зайцы по гребню играют, старики над морем летают, криком кричат, ровно черти. Каменный берег весь стоном стонет, море на берег лезет!*» [6, с. 160] – звуковым повтором автор создает почти физическое ощущение шума морского вала; «*Дожди-ик? А еще называется бродяги! Кан-нальи этакие!*» [6, с. 173]; «*Эх, мил-лай!*» [6, с. 178]; – «... еду *этно* к вашим воротам, а сам думаю: неужто не пустит меня ночевать?» [6, с. 137].

Для Короленко-новеллиста характерен сказ в обрамлении авторского текста: начинает рассказ автор, потом, когда дело доходит до наиболее драматической его части, он передает повествование герою произведения, а как только его изложение заканчивается, автор снова берет слово себе. Народная речь льется до того легко и непринужденно, что кажется, будто монологи и диалоги персонажей даны не в пересказах автора, а слышатся голоса самих героев рассказа. Они употребляют: **народные**

выражения («вольная волюшка», «нечисть болотная», «на ласковом слове», «милости просим» и др.); сказочные зачины («Долго ли, коротко ли спали, только слышу я: Буран меня окликает»... «да как раз на ту пору шли мы самым тем оврагом, соколинские бродяжки...» [6, с. 161]); пословицы и присказки («Чего горше: едим прошеное, носим брошенное, помрем – и то в землю не пойдём...» [6, с. 166]; «Нашему-то брату, бродяжке, темная ночь – родная матушка: на небе темнее – на сердце веселее» [6, с. 171]); уменьшительно-ласкательные формы существительного («бродяжки», «конек», «крылечко», «дурачки», «горюшко», «волюшка» и др.).

Напевность народно-поэтической речи опирается на синтаксическую симметрию: «Давайте, говорю, ребята, спать ляжем. Луна с полночи взойдет, тогда что бог даст, поплывем. Спать уж тогда немного придется, надо теперь силы наспать» [6, с. 160]; «... с окяну тучи надвинулись, дождик моросит, по тайге в овраге шум идет...» [6, с. 171] – в данных примерах каждый синтаксический отрезок оканчивается глаголом; «Ох, и люта же тоска на бродягу живет! Ночка-то темная, тайга-то глухая... дождем тебя моет, ветром тебя сушит и на всем-то, на всем белом свете нет тебе родного угла, ни приюту ... Все вот на родину тянешься, а приди на родину, там тебя всякая собака за бродягу знает. А начальства-то много, да начальство-то строго... Долго ли на родине погуляешь – опять тюрьма!» [6, с. 167] – тут речь «Соколинца» звучит словно песня, гармония звучания которой достигаются органичным взаимодействием элементов народно-поэтической речи: а) **зачинательного восклицания** («Ох, и люта же тоска на бродягу живет»), б) **часто употребляемой частицы «то»**, служащей для подчеркивания, актуализации тех или иных значений, повышения воздействующего эффекта, торможения действия, имеющего целью усилить интерес читателя / слушателя и т.п. (ночка-то темная, тайга-то глухая...); в) **синтаксических параллелизмов, сочинительного союза «ни»** при характерном для просторечия опущения его в самом начале («... нет тебе (ни) родного угла, ни приюту...») и рифмованной концовкой («А начальства-то много, а начальство-то строго...»).

Короленко находит и другие средства, повышающие стилистический эффект, стилистическое впечатление, эмоциональное состояние, экспрессивность произведения, которые оптимизируют ритмико-интонационное содержание поэтической речи, насыщают ее смысловой и эстетической информацией. К их числу относятся: а) **анафора**: «А сам, признаться, тоже задумался... А потом приносится ... будто лежу, потягиваюсь... А на столе свечка стоит... А мать будто песню поет» [6, с. 167-168]; б) **анадиплосис**, при котором происходит выделение элемента высказывания посредством повторения: «А я опять останусь один... один...» [6, с. 134]; в) **асиндетон**, придающий высказыванию стремительность, насыщенность впечатлениями в пределах общей картины: «Ездоки приворачивают к заборам, пешие сторонятся, татарки в красных чадрах, нарядные и пестрые, сгоняют ребят по дворам» [6, с. 177]; «Темные глаза глядели по временам задумчиво и умно, все черты выражали энергию; обращение его было свободно, в тоне слышалось удовлетворенное самолюбие гордой натуры» [6, с. 139]; г) **полисиндетон**, использующийся для усиления выразительности речи: «... когда пароход шлепал колесами... когда часовые... дремали в проходах ... когда на нарах рядами лежали ... фигуры спавших арестантов...» [6, с. 143-144]; д) **эпифора**, усиливающая ассоциативную сферу: «– Где ноне ваша команда рыбу ловит? – Не можем знать... – Кому же у того огня быть?... – Как-нибудь проходящие. – То-то проходящие...» [6, с. 171]; е) **антитеза** – оборот, в котором для усиления выразительности речи, эмоциональной окраски и подчеркивания высказываемой мысли резко противопоставляются противоположные понятия: «Ругается старик, а мы... посмеиваемся» [6, с. 173]; «... на небе темнее – на сердце веселее» [6, с. 171]; ё) **перифраз**, усиливающий изобразительность речи: «Серое кандальное общество (вместо: арестанты) казнило своих отступников» [6, с. 144]; «Эти поклонники Магомета (вместо: мусульмане) не особенно строго блюдают запрещение Корана...» [6, с. 176]; ж) **оксюморон**, служащий для создания дополнительного или даже нового смыслового качества, оценочных нюансов: «Несколько времени маячили еще в глазах очертания стоявшего в середине юрты громадного камелька (камелек – ‘небольшой камин или очаг для обогрева’)» [6, с. 130]; з) **сравнение**, с помощью которого создается целая гамма волнений, переживаний и размышлений, усиливающая выразительность речи: «Всадников было человек пять, они мчались как ветер... Через минуту все они промчались мимо меня как ветер» [6, с. 177]; «Теперь я уже не чувствовал себя в такой степени одиноким, как прежде... Оконные льдины... искрились и переливались отблеском пламени, точно самоцветные камни... моя одинокая юрта сверкает светлыми льдинами и сыплет, точно маленький вулкан...» [6, с. 133]; и) **инверсия**, обладающая особой экспрессией и,

следовательно, стилистической значимостью, поскольку усиливает смысловую нагрузку членов предложения и переводит высказывание из нейтрального плана в план экспрессивно-эмоциональный: «Всю кровь взбудоражил во мне своими рассказами молодой бродяга» [6, с. 175]; «И по старой памяти все он с нашими ребятами из вольной команды дружбу водил» [6, с. 170]; **к) стилистический сдвиг**, связанный с неожиданным введением стилистически сниженных элементов, нарушающих логику образной характеристики на фоне последовательно сменяющихся нейтральных, или книжных, или обиходных лексических единиц, и служащий средством повышения эмоциональности той или иной речевой ситуации: «Дожди-ик? А еще называется бродяги! Чай, не размокнете. **Счастливы ваш бог**, что я раньше исправника вышел на **крылечко**, трубку-то покурить ... Ах, ребята, ребята! Не очень вы, я вижу, **востры**, даром что **Салтанова поддели**, **кан-нальи** этакие! Гаси живее огонь да убирайтесь с берега туда вон, подальше, в падь. Там хоть десять костров разводите, **подлецы!**» [6, с. 173]; **л) устранение определенности субстанции**, посредством которого реализуется стремление автора усилить впечатление, «подогреть страсть», «накалить обстановку» до предела, подчеркнуть наличие неких противоборствующих сил и т.п.: «И тем не менее, **вглядываясь в энергичное лицо молодого бродяги**, я все яснее различал в нем **какую-то странность**. Теперь это лицо нравилось мне уже **несколько** менее, чем в первую минуту... по временам нижняя часть лица **как-то** нервно **вздрагивала** и **блеск глаз потухал**. Было видно, что Багылаю **стоит некоторого** усилия **держать этот ровный тон**, **сквозь который что-то как будто** силилось пробиться наружу, **что-то** горькое, **подавляемое только напряжением воли...**» [6, с. 139]; **м) сегментированные по форме конструкции**, в которых частицы активно участвуют в реализации экспрессивной функции: «... Вот скажем... еду я ночью, увидел огонь и **заезжаю к вам...** и **сейчас вы мне уважение**, самоварчик... Я это должен **ценить**. **Так ли...?**» [6, с. 138]; «... Конечно, я плут, но **ведь в том-то и дело, не правда ли**, чтобы быть **плутом ловким?**» [6, с. 178]; **н) градация**, служащая для усиления эмоциональности, повышения выразительности, акцентирования логичного и нелогичного: «Но Буран **ходил осунувшийся, угрюмый и опустившийся**» [6, с. 149]; **о) риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение**, усиливающие эмоциональность высказывания, его выразительность: «Я думал о том, **какое впечатление должна производить эта бродяжья эпопея**, рассказанная в **душной каторжной казарме**, в **четырёх стенах крепко запертой тюрьмы**. И почему... этот рассказ **запечатлевается даже в моем уме – не трудностью пути, не страданиями**, даже не **«лютою бродяжьей тоской»**, а **только поэзией вольной волюшки? Почему на меня пахнуло от него только призывом раздолья и простора, моря, тайги и степи? И если меня так зовёт она, так манит к себе эта безвестная даль, то как неодолимо должна она призывать к себе бродягу, уже испившего из этой отравленной неутраченным желанием чаши?»** [6, с. 175]; «– **Эх, удалой молодца!** – **вскрикивали в восторге зрители...**» [6, с. 177]; «– **Эх, мил-лай!** ... **Эй, ты... Ахметка!**» [6, с. 178]; **п) гипербола**, используемая для большей выразительности: «... **татарин хорошего коня обожает до страсти!**» [6, с. 178]; «... в **несколько мгновений мое жильё изменилось до неузнаваемости**» [6, с. 132]; **р) нравственные и физические муки ссыльных, их мироощущение и мировосприятие** В.Г. Короленко передает через изображение природы; при этом писатель мастерски использует **олицетворение и ряд устойчивых мотивов** (например, паром с каторжниками встречает «**дикий остров**» со «**скалистыми берегами**»; в лексеме «**дикий**» реализуются различные мотивы: тоска, оторванность острова от цивилизации, замкнутость, изолированность, обреченность, фатальность, отторжение, одиночество (эпитет «**дикий**» присутствует в речи многих персонажей: природная составляющая Сахалина для каторжан – своеобразный дикий, дремучий лес с «**глухими тропами таежными**», по которым «**глухую ночью во власти теплых туманов**» ходят бродяги); **с) экспрессивные отчлененные конструкции**, служащие для актуализации определенного стилистического задания, свойства, стилистического впечатления, выражения сильных эмоций и т.д.: «**Пхнул один солдат штыком меня в ногу, оцарапал только, да я споткнулся, упал... Он на меня. Сверху еще Макаров навалился ... Слышу: бежит по мне кровь... Мы-то с Макаровым встали, а солдатик остался...**» [6, с. 162]; **т) демонстрация открытости языка художественной литературы для всех функциональных стилей** (способствует всестороннему обеспечению стилистической информацией, консолидирует воздействующий резонанс высказываний, расширяет диапазон экспрессивных импульсов: **1) публицистического**: «**Готовь, ребята, ножи. Смотрите: живьем никому не сдаваться, и живого им в руки никого не давать. Кого убьют, делать нечего – значит, судьба! А в ком дух остался, за того стоять. Либо всем уйти, либо всем живым не быть. Стой... ребята, крепче**» [6, с. 159]; **2) официально-делового**: «... **придут соколинские ребята,**

давать им по пяти рублей на брата, да сапоги, да полушубок, белья и провизии – сколько потребуется. “Сколько бы их ни было... всех удовлетвори, собери работников да при них выдачу и засвидетельствуй. Тут и отчет весь!”» [6, с. 165]; **в) разговорного:** «”Ах, братцы... не вы ли же этого Салтанова **прикончили?** Беда ведь!” “Ну, мол, мы аль не мы, об этом разговаривать нечего. А не будет ли **от вашей милости** какой помощи? От Бурана мы к **Стахею Митричу с поклоном**”. “А сам-то Буран что же? **Али** опять на остров попал?”. “Попал... **да приказал долго жить**”. “Ну, царство ему небесное... Хороший бродяга был, **честных правил, хотя и незадачливый. Стахей Митрич и по сю пору его вспоминает. Теперь, чай, в поминанье запишет...**”» [6, с. 165-166]; **3) научного:** «*Порт Дуэ расположен на западной стороне острова, обращенной к азиатскому берегу. Татарский пролив в этом месте имеет около трехсот вершин в ширину...*» [6, с. 150].

Особенности реализации стилистических и текстообразующих потенциалов языковых средств в произведении В.Г. Короленко «Соколинец» показывают **жанровое (на содержательном)** уровне рассказ демонстрирует наличие двух стихий – «литературного повествователя» и «автобиографического сказителя» – в рамках одного повествовательного эпизода, сквозь который просматривается образ автора; принцип манеры повествования, основанный на имитации речи рассказчика и ведущийся от его лица, характерен для сказа; **на сюжетно-композиционном** уровне даются концентрированные варианты развития событий, описываются кульминационные моменты жизненного пути, напряженные формы человеческой активности и т. п.; **3) на типологическом** уровне: сказитель – человек из народа, бродяга-поселенец, малообразованный простолюдин, целостная личность, за внешней неустроенностью существования, нерациональным использованием человеческих возможностей которого чувствуется непреодолимая тяга к свободе, «вольной волюшке», часто опасной, но столь желанной) и **языковое** (языковая полифония, включающая разные способы интенсификации признака) своеобразие идиостиля писателя, важным элементом которого они являются.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацевич Ф.С. Семантика обманутого ожидания: Слово *Даже* у Ф.М. Достоевского // *Studia rusystuczne Akademii swientokrzyskiej*. Т. 12. Kielce, 2003. С. 239–247.
2. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
3. Иванчикова Е.А. Синтаксис художественной прозы Достоевского. М.: Наука, 1979. 288 с.
4. Ильин И.А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев (1939, 1959) // *Собр. соч.:* в 10 т. М.: Русская книга, 1996. Кн. 6. Т. 1. С. 205.
5. Кожин М.Н. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.
6. Короленко В.Г. Рассказы и очерки. М.: Советская Россия, 1982. 336 с.
7. Лежнев А. Проза Пушкина. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1966. 287 с.
8. Лукьянова Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность // *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*. Вып. V. Новосибирск, 1976. С. 24–42.
9. Матвиевская Л.А. Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 187 с.
10. Переписка А.П. Чехова и В.Г. Короленко: в 2 т. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 8–9.
11. Потехина А.А. Из записок по русской грамматике: В 4-х т. М.: Учпедгиз, 1966. Т. 1–2. 536 с.
12. Прияткина А.Ф. Об экспрессивности союза // *Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции)*. Избранные труды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2007. С. 302–311.

Поступила в редакцию 01.03.2021

Муминов Владимир Исмаилович, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»
693008, Россия, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290
E-mail: lingua-star@inbox.ru

V.I. Muminov

**THE ORIGINALITY OF V.G. KOROLENKO'S LINGUISTIC AND STYLISTIC MANNER
(BASED ON THE STORY "SOKOLINETS")**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-875-890

In this article based on the story "Sokolinets", the peculiarities of linguistic and stylistic manner of V.G. Korolenko are reviewed, the author's preferences in the choice of means of expression and intensification of features which provide stylistic effect are observed. First of all, the denominative vocabulary expressing the extreme (ultimate) psychological and emotional states of the characters is marked and classified. The pronoun words and particles, which often interact with each other, creating expressive constructions with the meaning of gradation, high degree of feature manifestation, etc., are considered separately. The word-formation means, participating in the realization of author's emotionality, strengthening of substantial and expressive sides of the utterance, are singled out. Some peculiarities of V.G. Korolenko's idiostyle are examined; the stylistic means which increase the expressiveness of the work, optimize the rhythmical-intonational structure of the poetic speech, saturate it with the semantic and stylistic information are classified. The types of repetitions attracted by the writer for the realization of his creative task and their role in the realization of the stylistic effect are determined.

Keywords: maximal expression, intensification of features, intensives, intensifiers, stylistic effect, expression, repeats, idiostyle, language polyphony.

REFERENCES

1. Batsevich F.S. Semantika obmanutogo ozhidaniya: Slovo dazhe u F.M. Dostoevskogo [The semantics of disappointed expectations. A word Even in F. Dostoevsky works]. F.M. Batsevich. *Studia rusystuczne Akademii swientokrzyskiej*. T. 12. Kielce, 2003. P. 239–247. (In Russian).
2. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove)*. 2-e izd. [Russian language (grammatical teaching about the word)]. vol. 2. Moscow, Higher school, 1972. 614 p. (In Russian).
3. Ivanchikova E.A. *Sintaksis khudozhestvennoy prozy Dostoevskogo* [The syntax of Dostoevsky's fictional prose]. Moscow, Science, 1979. 288 p. (In Russian).
4. Il'in I.A. O t'me i prosvetlenii. *Kniga khudozhestvennoy kritiki. Bunin – Remizov – Shmelev (1939, 1959)* [About darkness and enlightenment. Book of art criticism. Bunin – Remizov – Shmelev (1939, 1959)]. CW in 10 volumes. Moscow, Russian book, 1996. book. 6. T. 1. 205 p. (In Russian).
5. Kozhyn M.N. *Funktsional'nyye tipy russkoy rechi* [Functional types of Russian speech]. Moscow, Higher school, 1982. 223 p. (In Russian).
6. Korolenko V.G. *Rasskazy i ocherki* [Stories and essays]. Moscow, Soviet Russia, 1982. 336 p. (In Russian).
7. Lezhnev A. *Proza Pushkina*. 2-e izd. [Pushkin's prose. 2nd ed.]. Moscow, Fiction, 1966. 287 p. (In Russian).
8. Luk'yanova N.A. O sootnoshenii ponyatiy ekspressivnost', emotivnost', otsenchnost' [On the relationship of concepts expressiveness, emotionality, evaluativeness. Actual problems of lexicology and word formation]. *Iss. V. Novosibirsk*, 1976. P. 24–42. (In Russian).
9. Matvieckaya L.A. *Stilisticheskoye ispol'zovaniye antonimov (na material proizvedeniy M.Yu. Lermontova)* [Stylistic use of antonyms (based on the works of M.Yu. Lermontov)]. Moscow, 1978. 187 p. (In Russian).
10. *Perepiska A.P. Chekhova i V.G. Korolenko* [Correspondence of A.P. Chekhov and V.G. Korolenko: in 2 v.]. Moscow, Fiction, 1984. T. 1–2. P. 8–9. (In Russian).
11. *Potebnaya A.A. Iz zapisok po russkoy grammatike* [From notes on Russian grammar: In 4 volumes]. Moscow, Uchpedgiz, 1958. Vol. 1–2. 536 p. (In Russian).
12. Priyatkina A.F. *Ob ekspressivnosti soyuza* [On the expressiveness of the union. Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic links and constructions). Selected Works]. Vladivostok: Far East Publishing House. University, 2007. P. 302–311. (In Russian).

Received 01.03.2021

Muminov V.I., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Russian language and literature
Sakhalin State University
Lenina st., 290, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia, 693008
E-mail: lingua-star@inbox.ru